

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ,

в которой повествуется о том, почему монахи-путники оказались неистребимыми, а также о том, как наступило великое прозрение у законного правителя

Итак, вам известно, что Танский монах избежал соблазна, сохранил свою непорочную силу Ян и продолжал путь на Запад, сопровождаемый своими учениками.

Незаметно подошло лето и наступила пора, о которой говорится: «Едва подует знойный ветерок и дождичек польет — так сразу сливы поспевают».

Перед путниками открывались картины одна прекраснее другой.

Ветерок шаловливо порхает

В тенистой листве.

Юных лотосов листья

Растут на прудах и озерах,

И птенцов обучают стрижи

Щебетать в синеве,

И пушистых побегов бамбука

Доносится шорох.

По лазури разносится

Пестрых цветов аромат,

И покрыли нагорные склоны

Целебные травы.

Тростники вдоль ручьев,

Словно стройные копья, стоят,

И гранаты, алея,

Украсили путь сквозь дубравы.

А четверо путников все шли и шли под палящим зноем и, наконец, дошли до места, где по обеим сторонам дороги густо росли высокие ивы. Неожиданно из-за деревьев появилась пожилая женщина, которая вела за руку ребенка.

— Стой, монах! — закричала женщина. — Дальше ехать нельзя! Скорей поворачивай назад! Дорога на Запад — это дорога смерти!

От этих слов Танский монах едва не упал с лошади, затем спешился и начал расспрашивать женщину.

— О добрая женщина! — молвил он. — Есть древняя поговорка: «Море широко — в нем рыбам раздолье; небо просторно — в нем птицам вольготно!» Неужто на Запад нет никакой другой дороги?

Указывая рукой на Запад, женщина стала рассказывать:

— В пяти или шести ли отсюда начинаются владения государства, в котором всеми способами искореняют учение Будды. Правитель этого государства в своем прошлом перерождении вступил во вражду с Буддой, а в своем нынешнем существовании без всякого повода стал творить великое зло. Два года тому назад он объявил, что дал зарок истребить десять тысяч буддийских монахов. И вот с тех пор он непрестанно уничтожает несчастных и уже загубил девять тысяч девятьсот девяносто шесть человек, имена которых неизвестны. До десяти тысяч не хватает всего четырех монахов, но они должны быть чем-нибудь знамениты, чтобы достойно завершить установленное число. Если вы войдете в столицу государства, то можете распрощаться с жизнью, — пророчески закончила она.

Танский монах пришел в неопиcуемый ужас от этих слов.

— Добрая женщина, — дрожа от страха, едва вымолвил он, — я очень признателен тебе... от всего сердца благодарю тебя за доброту твою... Но, скажи, неужели же нет никакой другой дороги, по которой можно было бы пройти, не заходя в столицу этого государства?

— Нет, никак не обойдешь ее, — засмеялась женщина. — Никак! — уверенно повторила она. — Разве только что по воздуху, если умеешь летать...

Чжу Ба-цзе, стоявший в сторонке, не удержался и хвастливо заявил:

— А ты не пугай нас — мы умеем летать на облаках.

Сунь У-кун, обладающий золотистыми зрачками и огненным взором, сразу же распознал в женщине бодисатву Гуаньинь, а в ребенке — ее ученика, отрока Шань-цай. Повалившись наземь, он в смятении начал отбивать земные поклоны.

— О бодисатва! — восклицал он. — Прости, что не встретил тебя как подобает!

Между тем под ногами бодисатвы за клубилось облако, сияющее разноцветными лучами, и она стала легко подниматься ввысь вместе со своим учеником. При виде этого чуда Танский монах

еще больше перепугался и упал наземь. Затем он встал на колени и тоже начал отбивать земные поклоны. Его примеру последовали Чжу Ба-цзе и Ша-сэн. Облако быстро исчезло из виду и понеслось прямо к берегам Южного моря.

Сунь У-кун поднялся и стал поднимать своего наставника.

— Вставай, учитель! — сказал он. — Бодисатва уже вернулась к себе, на свою священную гору.

— Сунь У-кун! Почему же ты не сказал мне, что это бодисатва, — упрекнул его Танский монах,
— ты ведь знал.

— Да я не успел, — засмеялся Сунь У-кун. — Ты еще только спрашивал, а я уже кланялся.

— Скажи, как же нам теперь быть? — в один голос спросили Чжу Ба-цзе и Ша-сэн. — Милосердная Гуаньинь предупредила нас, что впереди находится страна, где истребляют буддийских монахов. Куда же нам теперь идти?

— Да перестаньте вы трусить наконец! — одернул их Сунь У-кун. — Вспомните, сколько лютых дьяволов и свирепых оборотней попадалось нам на пути, сколько хищных тигров и страшных драконов угрожали нам из своих логовищ в горах и озерах, и все же они не смогли причинить нам вреда. А здесь перед нами страна, в которой живут самые обыкновенные люди, чего же нам бояться? Меня другое тревожит. Уже вечереет, того и гляди появятся жители деревень, возвращающиеся с городского рынка, увидят нас и начнут болтать, что встретили монахов, а это нам совсем некстати. Давайте лучше поищем укромное местечко для нашего учителя, а там обсудим, что делать дальше.

Танский монах согласился. Наши путники свернули в сторону от большой дороги, нашли глубокую яму и засели в ней.

Когда все устроились, Сунь У-кун сказал:

— Братцы! Вы берегите нашего наставника и охраняйте его как следует. А я изменю свой облик, побываю в столичном городе и посмотрю, что там происходит. Может быть, найдется глухая дорога, по которой нам удастся пройти ночью незамеченными.

— Смотри, будь осторожен! — напутствовал его Танский монах. — Помни, что царские законы неумолимы! Не играй с огнем!

— Не беспокойся! — смеясь, ответил Сунь У-кун. — Я сам знаю, как мне надо поступать!

С этими словами наш Великий Мудрец со свистом совершил прыжок вверх и... о чудо!

Хоть не тянули вверх его канатом,
Не подпирали ног его подпоркой, —
Мудрец вознесся, словно был крылатым,
И с облака все оглядел он зорко.
Не знаем мы, в кого мог уродиться
Наш Сунь У-кун, но легче он, чем птица.

Утвердившись на своем волшебном облачке, Сунь У-кун стал внимательно смотреть вниз. Его взору представился столичный город, полный веселья и благополучия.

«Какое хорошее место! — подумал Сунь У-кун. — И чего ради там искореняют буддийскую веру?».

Пока он разглядывал город, стало смеркаться.

Побледнело на западе
Пламя вечерней зари,
С десяти перекрестков
Сверкнули во тьме фонари.
В девяти павильонах дворца
Фимиам воскурили,
И вечерние колокола
В тишине прозвонили.
Через восемь ворот
На ночлег караваны сошлись.
Семь мерцающих звезд
Озарили туманную высь.
Но в шести лагерях
Прозвучали рога боевые,
Уронили вечерние капли
Часы водяные.

И друг друга на башнях окликнули

Пять сторожей,

И четыре тумана смешались,

И стало свежей.

Весь народ разошелся,

И три опустело базара.

Тихо, по двое, скрылись супруги,

За парюю пара.

И уснули за вышитым пологом...

Только луна

Поднимается ввысь на востоке —

Как прежде одна.

«Надо, пожалуй, спуститься вниз,— подумал Сунь У-кун,— и расспросить о дороге, но в таком виде никак нельзя, сразу распознают, что монах».

Прочтя заклинание и щелкнув пальцами, Сунь У-кун встряхнулся и превратился в ночную бабочку.

Как эта бабочка

Нарядна и стройна!

И крылышки ее —

На перепонке жесткой.

Приметит ли фонарь,

Или свечу из воска,—

И тотчас, быстрая,

К огню летит она.

И в пламя жаркое

Кидается стремглав,

Как будто погасить

Светильник хочет.
Солому прелую
Ее личинка точит,
И роется
Среди прогнивших трав.
И крепнет
Силою природы животворной,
И бабочкой ночной —
Сквозь превращений ряд —
Она становится,
И где огни горят,
Туда, бесстрашная,
Она летит проворно.
Красив ее наряд,
Пунцовый и богатый.
За светлячком
Она охотиться не прочь.
От крылышек ее
Струятся ароматы.
Она не любит дня,
Но ей приятна ночь.

И вот ночная бабочка, порхая в воздухе, опустилась к базарной площади и стала летать под стрехами крыш, огибая углы домов. Вдруг она увидела множество строений, над воротами которых висели зажженные фонари.

«Кто это летом вздумал праздновать новый год? — подумал Сунь У-кун. — Вон сколько фонарей позажигали».

Он подлетел поближе и начал вглядываться. Между домами, как раз посередине, он заметил дом, над воротами которого висел не круглый, а квадратный фонарь. На фонаре была надпись из шести иероглифов: «Гостиный двор для приезжих купцов», а ниже еще — четыре

иероглифа: «Гостинный дом Вана-младшего».

Тут только Сунь У-кун смекнул, что здесь гостиница. Вытянув шею, он стал разглядывать, что делается внутри. Несколько человек, поужинав, разделись, скинули головные повязки, вымыли руки и ноги и улеглись спать.

— Ну, теперь наш наставник пройдет благополучно! — обрадовался Сунь У-кун.

Как бы вы думали, почему вдруг на ум ему пришла такая мысль? Пожалуй, не догадаетесь. А дело было в том, что Сунь У-кун решил обокрасть проезжих, когда они уснут, утащить их одежды и головные повязки, с тем чтобы самим переодеться мирянами и войти в город.

Однако тут случилась неожиданная для Сунь У-куна неприятность. Пока он раздумывал, как осуществить свой замысел, к проезжим подошел хозяин гостиницы и обратился к ним с такими словами:

— Уважаемые господа! Будьте осторожны! У нас здесь есть лихие люди. Берегите свои вещи и поклажу.

Торговые люди, попав в чужие края, всегда бывают очень осмотрительными. А после такого предупреждения и вовсе насторожились. Вскочив на постелях, они стали благодарить хозяина.

— Спасибо тебе за добрый совет, — говорили они, — но беда в том, что мы с дороги очень устали и можем крепко уснуть, так что нас и не добудитесь. Возьми-ка наши одежды, головные повязки и поклажу да спрячь где-нибудь у себя, а завтра, когда начнет светать, отдашь их нам, чтобы мы могли отправиться в дальнейший путь.

Хозяин по имени Ван Сяо-эр так и сделал. Он собрал все вещи своих постояльцев и отнес к себе в помещение. Сунь У-кун, не желая отказаться от задуманного плана, расправил крылышки и полетел вслед за хозяином, где и уселся на вешалке для головных повязок.

Между тем Ван Сяо-эр вышел к воротам, снял фонарь, убрал вывеску, закрыл двери и окна, затем вернулся и лег спать. А надо вам сказать, что у этого Вана была жена и двое крикливых озорных ребятишек. Они еще не уgomонились и ни за что не хотели ложиться спать. Мать была занята починкой одежды и, видимо, тоже не собиралась ложиться.

«Если ждать, пока эта баба уляжется, — подумал Сунь У-кун, — с моим наставником опять что-нибудь случится! Кроме того, в столь поздний час городские ворота могут оказаться запертыми». Сунь У-кун не утерпел и слетел вниз, прямо на фонарь, чтобы погасить его. Вот уж поистине:

Кинулся прямо в огонь —

И фонарь погасил.

Лоб опалил,

Но наставнику жизнь сохранил!

Фонарь погас. Сунь У-кун снова встряхнулся и превратился в крысу. Пискнув раза два, он спрыгнул на пол, ухватил одежды и головные повязки и бросился из помещения. Женщина растерялась и стала будить мужа:

— Старик! Просыпайся! Беда случилась! Крыса оборотнем обернулась!

Сунь У-кун, услышав ее крик, сразу же прибег к другому средству. Держа дверь, он закричал:

— Не слушай ее, Ван Сяо-эр! Она врет! Я вовсе не крыса и не оборотень. Честный человек темными делами незанимается. Я — Великий Мудрец, равный небу, сошедший на землю. Мне поручено охранять Танского монаха в пути на Запад за священными книгами. А сюда я прибыл лишь затем, чтобы одолжить одежду и головной убор для моего наставника, Танского монаха, и переодеть его в мирянина, так как непутевый правитель твоей страны поступает с монахами бесчеловечно. Как только мы пройдем через город, я все верну тебе.

От этих слов Ван Сяо-эр кубарем скатился с постели, впопыхах схватил попавшие под руку штаны и, приняв их в темноте за рубаху, стал напяливать на себя.

Тем временем наш Великий Мудрец уже успел умчаться на облаке. Приняв свой первоначальный вид, он опустился около ямы. Первым его заметил Танский монах, который в это время рассматривал звезды и луну.

— Ну как, брат мой, можно будет нам пройти через страну? — спросил он, подходя к Сунь У-куну.

Великий Мудрец повернулся к своему наставнику, положил к его ногам принесенные одежды и сказал:

— Наставник! Монаху через эту страну никак не пройти, надо изменить облик!

— Что же ты предлагаешь? — раздраженно спросил Чжу Ба-цзе. — Легко сказать, изменить облик, да для этого надо полгода отращивать волосы.

— Разве можем мы ждать полгода? — перебил его Сунь У-кун. — Нам нужно сейчас же преобразиться в мирян.

— Да ты что, в своем ли уме? — опешил Чжу Ба-цзе. — Мы ведь монахи, как же мы сможем сразу преобразиться в мирян и надеть головные повязки? Если нам и удастся закрепить их по краям, то привязать их не за что: волос-то ведь нет!

— Перестань болтать! — сердито прервал его Танский монах. — Давайте говорить серьезно. В самом деле, как же нам поступить? — спросил он, обернувшись к Сунь У-куну.

— Наставник! После того как я побывал в городе, могу тебе сказать следующее: здешний государь хоть и истребляет буддийских монахов по своему неразумию, но все же является сыном неба. Над городом я узрел благовещее сияние и признаки радости. Я успел ознакомиться с расположением улиц в городе и освоил местный говор, так что могу беседовать с жителями. Эти одежды и головные повязки я занял у них в гостинице. Давайте переоденемся, пойдем в город и устроимся там на ночлег с тем, чтобы до рассвета, в часы четвертой стражи, подняться, попросить хозяина накормить нас и к пятой страже выйти из городских ворот. А там уж мы устремимся по большой дороге на Запад и, если кому-либо придет на ум задержать нас, мы сможем отговориться тем, что являемся государевыми посланцами и что сам правитель этой страны — искоренительницы буддийского учения — не осмелился задержать нас и пропустил через свою столицу.

— Ты очень хорошо придумал,— сказал Ша-сэн.— Так и сделаем!

Танский монах скрепя сердце снял с себя монашеское одеяние и головной убор, переоделся и повязал голову. Ша-сэн тоже переоделся. У Чжу Ба-цзе голова оказалась чересчур большой, и повязка никак не завязывалась. Пришлось Сунь У-куну разовать повязку на две части, а потом сшить оба конца и обвязать голову Чжу Ба-цзе. Из одежд, что принес Сунь У-кун, Чжу Ба-цзе выбрал самые просторные и облачился в них. Последним переоделся Сунь У-кун.

— Господа,— сказал он, обратившись к переодетым монахам, — нам придется на время забыть четыре слова: «наставник», «учитель», «собрат» и «ученики».

— Если мы отрешимся от этих четырех слов, то как же станем называть друг друга? — спросил Чжу Ба-цзе.

— Мы будем выдавать себя за родных братьев, — предложил Сунь У-кун. — Наставника будем называть Тан, он будет у нас старшим. Ты будешь называться Чжу, третьим, Ша-сэн — Ша, четвертым, а я — Сунем, вторым. Но давайте условимся, что в гостинице вы все будете молчать, только я буду разговаривать и отвечать. Если же они станут допытываться, чем мы торгуем, скажем, что продаем коней и вот одного, белого, привели из нашего табуна в качестве образца, что нас всего десять братьев и мы, четверо, явились сюда первыми, чтобы снять помещение и заняться торговлей. Хозяева гостиницы безусловно примут нас очень радушно, мы у них перекусим, отдохнем, а перед уходом я превращу осколки битой черепицы в серебряные слитки, расплачусь с ними, поблагодарю, и мы сразу же отправимся в дальнейший путь.

Пришлось Танскому монаху скрепя сердце и на это согласиться.

И вот все четверо путников с конем и поклажей поспешили к городу. Здесь царили мир и покой, и, несмотря на поздний час, городские ворота еще не были закрыты. Путники беспрепятственно прошли в город и дошли до гостиного дома Вана-младшего. Оттуда

доносились громкие крики: «Куда девалась моя головная повязка? Где мои одежды?».

Сунь У-кун, притворившись, что ничего не знает, повел спутников в другую гостиницу, стоявшую наискосок. Там еще горели фонари. Приблизившись к воротам, Сунь У-кун стал звать:

— Эй, хозяин! Найдется у тебя свободное местечко? Мы хотим передохнуть с дороги!

Изнутри послышался женский голос:

— Прошу дорогих гостей пожаловать, наверху есть свободные места.

После этого вышел какой-то здоровенный парень, который взял у Сунь У-куна поводья и увел коня во двор.

Стараясь держаться в тени от света фонаря, Сунь У-кун повел за собой Танского монаха прямо наверх. Им отвели очень уютную комнату с удобной мебелью. Все уселись возле окна, которое Сунь У-кун поспешил открыть, и стали любоваться ярким светом луны, озарявшим комнату. Пришел слуга с зажженным фонарем. Но Сунь У-кун не впустил его, задул огонь в фонаре и сказал:

— Луна светит так ярко, что фонарь не потребуется!

Едва слуга спустился вниз, как явилась девушка-служанка с четырьмя чашками свежего чая. Сунь У-кун принял у нее чай, но в комнату не пустил. Затем пришла старуха и стала сбоку, у входа.

— Откуда изволили прибыть, дорогие гости, — начала она расспрашивать, — и какие товары везете?

— Мы пришли из северных стран, — бойко отвечал Сунь У-кун. — Есть у нас хорошие кони для продажи.

— Уж больно ты молод, чтобы торговать конями, — недоверчиво заметила женщина.

— А вот у нас старший, — продолжал Сунь У-кун, — его фамилия Тан, а это — третий брат, его зовут Чжу, а тот — четвертый. Его фамилия Ша, а меня зовут Сунь. Я — второй брат.

Женщина засмеялась:

— Родные братья, а с разными фамилиями!

— Совершенно верно, фамилии у нас действительно разные, а живем все вместе. Нас всего десять братьев. Мы, четверо, прибыли сюда первыми, чтобы подыскать помещение. А шестеро остались за городом на ночлег, так как они ведут целый табун лошадей, а с табуном неудобно поздно являться в город. Мы хотим снять помещение, переночевать, а завтра с утра они явятся в город, и мы начнем продавать коней; как только распродадим, отправимся обратно.

— Сколько же у вас коней в табуне? — полюбопытствовала женщина.

— Всех, считая и жеребят, сто десять! — ответил Сунь У-кун и глазом не моргнув. — Все они из той же породы, что наш белый конь, только масть у них разная.

— Ты, видно, опытный купец, господин Сунь, — улыбнулась женщина. — Знаешь, к кому обратиться, прямо ко мне пожаловал. В других гостиницах тебя бы и не приняли, тесно у них. А у меня двор просторный. Конюшня большущая, есть резки для соломы и корыта для поила, сена и фуража хватит даже на несколько сот лошадей. Я согласна принять всех вас, но с одним условием: я уже много лет держу гостиницу, все меня знают и уважают. Моего покойного мужа звали Чжао. К несчастью, он давно умер. Моя гостиница называется: «Гостинный дом вдовы Чжао». Порядок у нас такой: сперва договориться по-подлому, а уж потом обходиться по-благородному, то есть сперва условиться о плате за постой, а уж потом рассчитываться. Обслуживание у нас ведется по трем разрядам.

— Ты дело говоришь, — перебил ее Сунь У-кун. — Что же это за три разряда? Ну-ка, объясни! Я только знаю такую поговорку: «Товары бывают в разной цене, а постояльцев ценят всегда одинаково».

— У нас здесь принято обслуживать по высшему, среднему и низшему разрядам, — начала объяснять хозяйка. — Тем постояльцам, которые пожелают первый разряд, ежедневно подается стол из пяти разных блюд и пяти разных плодов со всевозможными лакомствами, рассчитанный на двоих; по желанию постояльца приглашается певичка, чтобы веселила и ублажала. По этому разряду с каждого постояльца взимается плата в размере пяти цяней серебром за каждый день постоя, считая и помещение.

— Подходяще! — рассмеялся Сунь У-кун. — У нас за пять цяней даже певичку не пригласишь!

Не слушая его, хозяйка продолжала объяснять:

— По среднему разряду полагается общий стол для всех, но можно заказывать разные фрукты, вина, если задумаете играть в застольную игру. Без певички плата за второй разряд два цянтя серебром в день.

— Тоже недурно! — заметил Сунь У-кун. — Ну, а третий разряд?

— Мне даже неудобно говорить перед столь почтенными гостями, — застыдилась хозяйка.

— А ты говори! Чего там стесняться! — подзадорил ее Сунь У-кун. — По крайней мере мы сможем выбрать подходящий разряд для каждого из нас.

— По третьему разряду никакого обслуживания не полагается, — сказала хозяйка. — Что останется в котле, то постоялец и ест, пока не наестся досыта, а там возьмет сам себе сенца, постелит на полу, где ему удобнее, и спит. Когда рассветет, заплатит несколько грошей, сколько в силах уплатить, и ладно, ни в какие споры с такими постояльцами у нас не вступают.

— Вот счастье для меня! — вскричал Чжу Ба-цзе. — Мне, старому Чжу, только этого и надо! Подойду к котлу, наемся вволю, лягу спать — и наплевать мне на все!

— Братец! Что ты говоришь! — остановил его Сунь У-кун. — Неужто мы, скитаясь по разным странам, не заработали нескольких лянов серебра, чтобы пожить в свое удовольствие!

Обратившись к хозяйке, он сказал ей:

— Устрой нас по высшему разряду! Хозяйка очень обрадовалась и сразу же принялась хлопотать:

— Подайте лучшего чаю! Живо приготовьте все, — крикнула она прислуге.

Спустившись вниз, она продолжала суетиться:

— Режьте кур! Режьте гусей! Готовьте приправы! Забейте свинью и барана! Если не съедят, останется на завтра! Припасите лучшего вина! Рис берите самый чистый! На блины отсыпьте лучшей белой муки!

В комнате, где находились наши путники, было слышно каждое слово.

— Как же нам быть? — тихо спросил Танский монах, наклонившись к Сунь У-куну. — Она велит резать кур и гусей, забить свинью и барана, а кто из нас посмеет прикоснуться к скоромному? Ведь мы же дали обет поститься!

— Я придумал, как поступить! — воскликнул Сунь У-кун и, подойдя к двери, затопал ногами, чтобы привлечь к себе внимание.

— Хозяюшка Чжао, — крикнул он, — поднимись-ка к нам!

Хозяйка поспешно вбежала наверх.

— Что прикажешь, господин? — спросила она.

— Сегодня никакой живности резать не надо, — решительно сказал Сунь У-кун. — У нас нынче постный день.

— А вы постоянно поститесь или по месяцам? — испуганно спросила хозяйка.

— Ни то, ни другое, — спокойно ответил Сунь У-кун. — Наш пост называется: «Пост дня «Гэн-шэнь». Сегодня как раз день Гэн-шэнь и мы должны поститься. Как только минует час третьей ночной стражи, начнется следующий день — Синь-ю, и можно будет разговляться. Так что ты, хозяйюшка, уж лучше завтра режь скотину, а сейчас приготовь нам чего-нибудь постненького, мы тебе все равно заплатим по высшему разряду.

Хозяйка еще больше обрадовалась. Сбежав вниз, она стала отдавать новые распоряжения:

— Не режьте птицу! Не режьте скотину! Достаньте древесных грибов! Несите молодые побеги миньского бамбука, бобовый сыр, лапшу! Сбегайте на огород за свежими овощами! Готовьте мучной суп! Месите тесто для клецок! Сварите еще риса! Заваривайте душистый чай!

На кухне работали опытные повара, привыкшие ко всяким прихотям. Оки сразу же принялись застряпню, приготовили все как следует и подали гостям. Принесли также разные леденцы и засахаренные фрукты. Путники поели всего вдосталь.

— Не отведаете ли слабого винца? — предложила хозяйка.

— У нас только старший брат Тан непьющий, — сказал Сунь У-кун, — а мы, пожалуй, пропустим по несколько чарочек.

Хозяйка принесла целый сосуд подогретого вина. Не успели они разлить вино по чаркам, как внизу вдруг раздались какие-то резкие звуки, словно ударили в колотушку.

— Хозяйюшка! — воскликнул Сунь У-кун. — Что там случилось?

— Ничего, ничего! — успокоила хозяйка. — Из нашей пригородной усадьбы пришло несколько человек, они принесли зерно, чтобы уплатить за аренду. Пришли они поздно, и я уложила их спать внизу. А потом и вы прибыли, уважаемые господа. Я велела им вынести паланкин и отправиться за певичками, так как мне больше некого было послать. Это, видимо, они стукнули оглоблями паланкина об потолок.

— Хорошо, что я вовремя узнал об этом! — обрадовался Сунь У-кун. — Скажи им скорей, что певичек приглашать не надо. Во-первых, у нас постный день; во-вторых, не все братья собрались. Пусть лучше завтра привезут. Пригласим еще девиц и погуляем на славу! Потом коней продадим и отправимся в путь.

— Ну и добрые люди! — восторгалась хозяйка. — До чего ласковые, выдержанные!

— Несите паланкин обратно! — крикнула она людям. — Не надо никого приглашать!

После трапезы путники наконец остались одни.

Танский монах приблизился к Сунь У-куну и прошептал ему на эхо:

— Где же спать будем?

— Вот здесь, в этой комнате! — отвечал Сунь У-кун.

— Неудобно! — прошептал Танский монах. — Мы с дороги умаялись, заснем крепко, а если кто из слуг войдет, то сразу же признает в нас монахов, так как во сне головные повязки сползут у нас. Чего доброго, они шум поднимут, что тогда делать станем?

— Да, это верно! — задумался Сунь У-кун. Он опять подошел к дверям и потопал ногами. Хозяйка поднялась к ним и спросила:

— Чем могу служить, господин Сунь?

— Где нам спать? — спросил Сунь У-кун.

— Здесь, в комнате! — ответила она. — Тут очень хорошо, нет комаров и ветерок продувает. Откройте пошире окно и прекрасно выспитесь.

— Нам нельзя здесь спать! — сказал Сунь У-кун. — Наш третий брат Чжу немного простыл, четвертого брата Ша слегка просквозило, старший брат Тан спит только в полной темноте, да и я не привык спать на свету. Это место для спанья нам не подходит.

Хозяйка сошла вниз, оперлась на прилавок и стала удрученно вздыхать. К ней подошла дочь с ребеночком на руках и спросила:

— О чем вздыхаешь, мама? Есть такая пословица: «Десять дней сидишь на мели, зато в один день девять перекатов пройдешь!». Сейчас самая знойная пора, когда дела идут не очень хорошо, зато осенью заработаем.

— Дочь моя! — печально отозвалась хозяйка. — Я вовсе не потому грущу, что дела идут неважно. Нынче вечером, когда я уже собиралась закрывать, в час ночной стражи, у меня сняли помещение четыре барышника, торгующие лошадьми, и потребовали, чтобы их обслуживали по первому разряду. По правде говоря, я надеялась на них кое-что заработать, но они заказали постную пищу. Вот почему я и вздыхаю.

— Раз они у тебя уже поели, неловко отправлять их к другим хозяевам, — сказала дочка. — Завтра ты накормишь их скоромным, напоишь вином и отлично заработаешь.

— Да все они какие-то больные и хилые, — ответила мать недовольным голосом. — Кто боится сквозняка, кто света, хотят спать в полной темноте. А ты сама знаешь, у нас ведь дом сквозной. Где найти для них темное да закрытое помещение? Пусть пропадет зря все, чем я их накормила. Предложу им перейти к другим хозяевам, вот и все!

— Не спеши, мать, — сказала дочка. — У нас в доме есть темное место, без всяких сквозняков... Очень хорошее!

— Где же?

— Когда отец еще был жив, он сделал большой ларь, примерно в четыре чи шириной, в семь чи длиной и в три чи вышиной. В нем вполне могут улечься шесть, а то и семь человек. Пусть они заберутся в него и спят, — посоветовала дочь.

— Не знаю, согласятся ли они. Сейчас спрошу! — обрадовалась хозяйка. — Господин Сунь! Темной комнаты у меня в доме нет, есть только большой ларь, хорошо сколоченный. В нем не сквозит и свет не проходит. Что, если я предложу вам переночевать в нем?

— Вот и отлично! — просиял Сунь У-кун.

Хозяйка тотчас же велела нескольким постояльцам вынести ларь во двор, открыла крышку и предложила дорогим гостям сойти вниз. Сунь У-кун повел наставника, Ша-сэн понес поклажу, и все они направились к ларю, держась в тени от фонаря.

Чжу Ба-цзе первым впрыгнул в ларь. Ша-сэн передал ему поклажу и стал поддерживать Танского монаха, помогая ему влезть внутрь. Затем и сам полез. Тем временем Сунь У-кун вспомнил о коне.

— Где наш конь? — спросил он.

Кто-то из слуг ответил:

— Он привязан на заднем дворе и ест корм.

— Приведи его сюда, — распорядился Сунь У-кун, — да притащи заодно и кормушку. Коня привяжешь крепко-накрепко к ларю.

Очутившись в ларе, он закричал хозяйке:

— Хозяюшка Чжао! Закрой нас крышкой, да покрепче! В проушки продень замок и запри нас на ключ. Обойди ларь и посмотри, не сквозит ли где, — щелочки заклей бумагой! Завтра утром пораньше встань и выпусти нас.

— Уж больно вы осторожны, — воскликнула вдова.

О том, как хозяйка и все домочадцы легли спать, мы рассказывать не будем.

Обратимся к нашим четверым путникам, залезшим в ларь. Несчастные! Повязки, к которым они не привыкли, нестерпимо давили голову, кроме того, они изнывали от жары. Первым делом они сорвали головные повязки и разделись. Вееров у них не было, и они стали обмахиваться своими монашескими шапками. Теснота была такая, что они наваливались друг на друга. Так они промаялись до второй стражи и, наконец, все-таки уснули. Один только Сунь У-кун не спал и навлек беду. Он ущипнул Чжу Ба-цзе за ногу. Дурень поджал ногу и стал впросонках бранить Сунь У-куна:

— Спал бы лучше! И так замаялись. С чего это ты вздумал забавляться?

Однако Сунь У-кун не унимался и стал громко говорить:

— У нас поначалу было чистых пять тысяч лян. От прошлой продажи коней мы получили три тысячи, сейчас в этих двух узлах у нас наличными четыре тысячи. От продажи табуна мы получим еще три тысячи. Неплохо заработали, пожалуй, хватит!

Чжу Ба-цзе до того хотел спать, что не стал даже отвечать Сунь У-куну.

Кто мог предвидеть, что слуги, водоносы и истопники этой гостиницы давно уже состоят в одной шайке с разбойниками?! И вот один из них, услышав, как Сунь У-кун подсчитывает барыши, тотчас же послал за разбойниками. Вскоре десятка два разбойников, с факелами и дубинами, ворвались во двор. Хозяйка так перепугалась, что заперлась у себя в комнате и предоставила в распоряжение грабителей весь свой постоянный двор. Но разбойников не интересовали ни посуда, ни утварь. Они искали богатых постояльцев. Наверху их не оказалось. С ярко пылающими факелами разбойники рыскали по всему двору и вдруг увидели во внутреннем дворике большой ларь, к которому был привязан белый конь. Ларь был заперт на замок и так тяжел, что его нельзя было ни приподнять, ни сдвинуть с места.

— Купцы — люди бывалые и осторожные, — заговорили разбойники. — В этом ларе, наверно, запрятаны мешки с золотом и серебром да разные материи. Давайте уведем коня и вынесем ларь за город! Там мы разобьем его и поделим между собой все богатства. Что? Неплохо будет?

Разбойники отыскивали крепкие веревки и дубины, подняли ларь и потащили его, покачивая на ходу.

Чжу Ба-цзе проснулся и стал бормотать спросонья:

— Спи, братец, спи! Полно тебе баловаться! Чего ты укачиваешь меня?

— Молчи! — прошипел Сунь У-кун. — Никто тебя не укачивает.

Вслед за тем проснулись Танский монах и Ша-сэн.

— Кто это нас несет? — испуганно спросили они.

— Не шумите! — остановил их Сунь У-кун. — Пусть себе тащат! Авось дотащат до Западной обители Будды, нам меньше придется идти!

Однако грабители, предвкушая богатую добычу, понесли ларь не на запад, а на восток. Они зарезали стражников, открыли ворота и вышли. Но в городе сразу же поднялась тревога. Перепуганные сторожа со всех постов кинулись с докладом к начальнику конной и пешей стражи. А поскольку происшествие касалось непосредственно самих начальников, они немедленно подняли на ноги свои войска и пустились в погоню за разбойниками. Те не осмелились оказать сопротивление, бросили ларь и белого коня, а сами, прячась в густой траве, разбежались. Как ни старались войска изловить грабителей, им не удалось поймать ни одного. Им достались только огромный ларь и белый конь.

С этими трофеями войска вернулись в город. Начальник дозоров и караулов не сводил восхищенных глаз с белого коня. А конь, право, был очень хорош:

До земли

Серебристыми нитями грива повисла.

Словно яшмовый,

Хвост до земли ниспадает, блестя.

Он коня Сушуан

На бегу обгоняет шутя,

А с другими конями равнять

Нет ни цели, ни смысла!

За него десять сотен

Серебряных слитков могли

Заплатить на базаре.

Он взапуски с ветром помчится,
Без усилий обгонит он ветер
На тысячу ли!
Он на горы взлетает,
И в облаке может кружиться.
Он на солнце красив
И прекрасен при полной луне.
Под луною он бел, словно лебедь,
И снегу подобен.
Не дракон ли морской он,
Приплывший на пенной волне?
Но драконы коварны,
А он — и могуч и не злобен!

Начальник дозоров и караулов не захотел сидеть на своем коне, оседлал красавца белого коня и повел все войско обратно в город. Ларь был внесен в управление и опечатан в присутствии подчиненных. Затем начальник велел охранять ларь с тем, чтобы утром доложить о случившемся государю и получить от него повеление, как быть дальше. О том, как все чины разошлись по местам, мы рассказывать не будем.

Между тем Танский монах досадовал и негодовал на Сунь У-куна.

— Экая ты противная обезьяна! — говорил он. — Ни за что ни про что погубила меня! Если бы нас схватили, пока мы были на воле, мы смогли бы оправдаться даже перед самым правителем, который истребляет буддийских монахов. А теперь мы сидим в этом ларе, который сперва похитили разбойники, а затем забрали войска. Завтра мы предстанем перед правителем государства совсем готовенькими к казни и нас попросят: «Пожалуйте под тесак!». Так мы и закруглим его заветное число десять тысяч.

— Тише! Снаружи стоят люди! Они могут услышать и откроют ларь. Тогда нас свяжут по рукам и ногам и непременно подвешат к потолку. Потерпи еще немного, наставник, если хочешь избежать подобной участи. Завтра мы увидим здешнего неразумного правителя и я сам стану держать ответ перед ним. Уверяю тебя, что ни один волос не упадет с головы твоей. Успокойся и поспи.

Ко времени третьей стражи Сунь У-кун стал действовать. Он вытащил посох, дунул на него своим волшебным дыханием и произнес: «Превратись!». Посох сразу же превратился в сверло.

Двумя-тремя движениями Сунь У-кун просверлил дырочку в дне ларя, спрятал сверло, встряхнулся и, превратившись в муравья, вылез наружу. Вновь приняв свой первоначальный облик, он вскочил на благодатное облачко и направился прямо к воротам дворца, в котором жил правитель этого государства.

Как раз в это время правитель крепко спал. Сунь У-кун выдрал у себя всю шерсть с левого плеча, дунул на нее и приказал: «Превратись!». Все ворсинки моментально превратились в маленьких Сунь У-кунов. Затем он выдрал у себя всю шерсть с правого плеча, тоже дунул на нее и приказал: «Превратись!». Все шерстинки превратились в маленьких усыпляющих мушек. Прочитав заклинание, Сунь У-кун вызвал местных духов и велел им отправиться по всем внутренним покоям дворца, по жилищам крупных и мелких сановников пяти палат, шести отделов и всех присутствий и всякому, кто имеет какой-либо чин, пускал в лицо по усыпляющей мушке, чтобы все они уснули глубоким сном. Затем он взял в руки посох с золотыми обручами, повертел его, махнул им и воскликнул: «Ну, милый, превратись!». И посох тотчас превратился в тьму-тьмущую острых бритв. Одну из них он взял себе, а остальные велел разобрать своим бесчисленным двойникам, которые отправились во внутренние покои дворца, в палаты и покои и всюду брили головы сановникам.

Вот уж поистине:

Законы Будды вечны: нет конца им,
Но их решил правитель уничтожить.
Они связали небо воедино,
Они связали с небесами землю
И путь великий в безднах проложили.
Прекрасны тайны трех учений Будды,
Но сущность этих тайн одна и та же.
В ларе скрывался Сунь У-кун премудрый.
В сверло волшебный посох обратил он
И, просверлив дыру, на волю вышел,
И мудрость светлую явил он миру,
И острые ворсинки раскидал он,
И разорвал невежества покровы.
Правителя возмездье миновало,
Он завершил свое перерождение:
Отныне будет он витать в просторах,

Не зная ни рождения, ни смерти.

К концу ночи все сановники были обриты. Сунь У-кун вновь прочел заклинание, отозвал всех духов местности и отправил их восвояси, а сам встряхнулся и вернул на место шерстинки и ворсинки. Бритвы он соединил в одну, которая приняла свой настоящий вид, то есть стала опять железным посохом с золотыми обручами. Сунь У-кун уменьшил его до размеров иглы и засунул в ухо. Затем он снова превратился в муравья и пролез через дырочку обратно в ларь. Там он принял свой обычный облик и стал утешать своего наставника. Здесь мы пока и оставим их.

Вернемся во дворцовые покои. Прислужницы проснулись ни свет ни заря и принялись мыться и причесываться. Но оказалось, что ни у одной из них на голове нет волос. Безволосыми сделались также и дворцовые евнухи всех рангов. Все они толпой кинулись к царским опочивальням и стали играть на музыкальных инструментах, чтобы разбудить высочайших особ, проливая при этом горькие слезы, но не осмеливались обмолвиться ни единым словом. Прошло немного времени, и первой проснулась царица в третьей опочивальне, у которой на голове тоже не оказалось волос. Она поспешно передвинула светильник и с ужасом убедилась, что на царственном ложе, покрытый парчовым одеялом, сладко спал не монарх, а... монах со свежевыбритой головой. Царица не удержалась, заголосила и разбудила правителя. Он торопливо протер глаза и увидел, что царица наголо обрита.

— Голубушка! Что с тобой случилось?

— О повелитель мой! Но ведь и у тебя нет волос!

Правитель стал щупать голову и от страха чуть было не лишился чувств.

— Что же это с нами случилось! — воскликнул он.

Тем временем перед ним опустились на колени придворные служительницы, прислужницы гарема, любимицы правителя, евнухи всех рангов, у которых тоже были обриты головы.

— О властитель! — вопили они.. — Мы все сделались монахами!

Слезы заструились из глаз правителя.

— Я думаю, что это мне наказание за загубленных монахов, — нерешительно произнес он. — Не смейте разглашать то, что произошло, а то еще гражданские и военные чины станут судачить и порицать нас. Пока что ступайте и приготовьте зал для утреннего приема.

А надо вам сказать, что все старшие и младшие сановники пяти палат, шести отделов и разных присутствий еще до рассвета поднялись на ноги, чтобы готовиться к утреннему приему. Но за ночь все они тоже оказались бритоголовыми. Каждый из них уже написал по этому поводу

докладную записку.

На улицах столицы

Захлопали бичи.

Чиновники, сановники

Все едут на прием.

Как их печальны лица!

Как слезы горячи!

Царю они доложат

О бедствии своем:

Неведомая сила

Подкралась к ним в ночи

И волосы обрила!

Если вас интересует, что случилось с ларем, который был захвачен у разбойников, и остались ли в живых Танский монах и его спутники, не сочтите за труд и прочитайте следующую главу.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/288649>